

ПЕРСОНА

Она талантливая, она гордая, она красивая. У нее есть все, о чем можно мечтать. И даже больше. Лучшие роли в театре, знаменитый и, что немаловажно, влиятельный супруг, прекрасный сын. Она говорит, что себе уже все доказала. Жизнь удалась и можно расслабиться? Как бы не так — покой Марине только снится. Ясность, как выразился папаша Мюллер, — одна из форм полного тумана. Когда все слишком хорошо, это неминуемо наводит на подозрения. А может, все не так просто и сильные стороны Марины являются ее же слабостью? Стоит разобраться. Зудина — это прежде всего глаза. Большие, выразительные. Говорящие. И вот — эти глаза напротив.

— Марина, после громкого юбилея супруга подоспел и ваш день рождения. Интересно, а в семье какой из двух главный?

— Для меня главное он. Он лидер. А вообще, я считаю, главный тот, кто содержит семью.

— Так вы вроде оба неплохо зарабатываете.

— Ну я, конечно, не в том масштабе, что Олег Павлович... Но нет, это я какие-то примитивные вещи говорю. Наверное, оттого, что я люблю его, я хочу, чтобы он был главный. Понимаете, мужчина, которого можно подавить, мне не интересен. Если бы я могла подавить Табакова, наверное, мы давно бы уже расстались.

— То есть вы, как умная женщина, добровольно взяли на себя роль вedomой?

— Нет, ну, наверное, в чем-то я ведущая. Но это настолько не важно, поверьте: веду я что-то или не веду. Мужчина и женщина — как две разные планеты, конкурировать здесь, я считаю, бессмысленно. А с ним конкурировать бессмысленно вдвойне. Я понимаю, кто он.

■ ■ ■

— Быть женой Олега Табакова — тяжкий крест?

— А разве любовь может быть тяжким крестом?

— Но ведь в таком муже можно и развестись. А как же собственное "я"?

— Я в разумной степени эгоистичный человек и не могу развестись до конца. То есть я не могу быть никем, скажем так. Наверное, есть категория женщин, которые растворяются в мужьях полностью, принимая все. Но у меня есть определенные принципы. И никогда я бы ими не поступила только ради того, чтобы быть при ком-то: сытой, одетой, обутой.

— Получая роль в театре, приходилось оправдываться перед коллегами — мол, это не потому, что он?..

— Я давно ни перед кем не оправдываюсь. Слишком независимых режиссеров предлагает Олег Павлович: молодых и самодостаточных. И навязать им что-то, думаю, просто невозможно.

— Но наверняка какие-то уколы были? На то он и коллектив, чтобы перемывать друг другу косточки.

— Я вообще никогда не думаю о том, кто и что думает. Вот я думаю о чем-то, и этого мне достаточно. А если и были какие-то проблемы...

Нет, с коллегами это не связано — с ними как раз проблем не было. Проблема была в восприятии меня журналистами, критикой. Я так скажу. Однажды посмотрела спектакль. Очень даже неплохой спектакль, очень даже хорошего режиссера. И играла там очень даже неплохая актриса. После просмотра я мужу сказала: "Да, мне понравился спектакль. Я знаю, что хвалят эту актрису. Но если бы я так сыграла, меня бы не похвалили никто".

— Считаете, к вам завышенные мерки?

— Ко мне — да, завышенные. Знаете, как-то была на "Хрустальном Турандоте" — а в тот год я как раз сделала "Старый квартал", работу действительно приняла, очень хорошие слова говорили, — и вот там, на церемонии, я услышала разговор двух женщин. Одна другой говорит: "Странно, Зудину не выдвинули". Та ей: "А зачем? У нее муж Табаков". Вот с этим я сталкиваюсь.

— Но это, должно быть, очень обидно.

— Мне есть чем жить. Да и вообще, признание коллег моих, признание режиссеров, зрителей для меня гораздо важнее. А потом, я хочу сказать: у нас не очень любят безусловно успешных. Вот если пожалеть кого — это пожалуйста.

— У нас страна такая, ничего не поделаешь.

— Да, одна критик, например, написала: "Как Зудина может играть Настасью Филипповну, если у нее успешное замужество, если ее любят друзья и она ходит в рестораны?" А потом, задним числом, мне рассказывают, что у этой журналистки не все благополучно в семье, много проблем. Конечно, я сразу стала ее оправдывать. Но зачем же переносить все это на меня? В Америке, например, модно быть успешным. А у нас, если ты состоялась, если у тебя успешный муж и вы все время вместе и все никак не разойдетесь, что уже даже скучно, многих это раздражает. Я эту логику понимаю, то есть могу оправдать. Но у меня другая логика. У нас, например, очень много богатых друзей. Ну действительно богатых, которые могут позволить себе практически все. И когда узнаю, что их бизнес стал еще успешнее, честное слово, я только радуюсь.

■ ■ ■

— А вы считаете себя успешной и состоявшейся женщиной?

— Во всяком случае, я не считаю себя неуспешной. Знаете, иногда говорю Олегу Павловичу: "Наверное, если бы мы с тобой развелись, в смысле карьеры, как ни странно, это пошло бы мне на пользу". Предложения у меня всегда были. А потом, как ни смешно, многие стали бы меня судить как нормального человека...

— Нормального? Оговорка по Фрейду.

— Да-да. (Смеется.) Иногда обидно: видишь, что на порядок выше кого-то, кого превозносят ну просто до небес. А здесь: ну что — рядом сильный человек, от которого многое зависит.

— Помните фильм "Большая перемена"? Ганжа говорит своей жене-учительнице:

Марина ЗУДИНА:
"Если бы мы с Табаковым
развелись, в смысле карьеры
это пошло бы мне на пользу"

ЕКАТЕРИНА ЦИБЕТКОВА

Освенчанная с "ТАБАКЕРКОЙ"

"А может, мне перейти в другую школу?" Так, может, вам перейти в другой театр?

— А вы знаете, мне, наверное, было бы неинтересно. Объясню: мне интересно там, где жизнь. А жизнь во многом там, где Табаков. Вот закончили у него курс Володя Машков, Жена Миронов — ведь никто во МХАТ особенно не рвался. Все, кого брал Табаков, шли в "Табакерку". И во МХАТ стали играть только тогда, когда там появился он. Не знаю: вот бросит он МХАТ, уйдет в любой другой театр — будет жизнь там. А просто играть какую-то роль в некоем театре у некоего режиссера, пусть даже главную... Ну поверьте, это бессмысленно.

— Говорят: если муж на работе командует женой, работы в общем-то не будет.

— Я так давно с ним не работала как с режиссером — уже лет семь, наверное. Но помню, иногда были сложности: когда он делал замечание, я обижалась — мне казалось, что он не прав. Да, иногда больше спорю с ним. Или, скажем так, меньше верю на слово. А потом, Табаков характерный артист. Он настолько ярко показывает, что это иногда мне даже мешает. Каждый раз прошу, чтобы он мне ничего не показывал.

— На репетиции Олег Павлович может повысить на вас голос?

— Не помню, чтобы он на кого-то кричал. Это не в его характере — он слишком сильный человек.

— А с роли он вас никогда не снимал? В качестве наглядного пособия для других.

— Нет, во-первых, он не любит демонстраций. А во-вторых, я никогда не пила (Зудина улыбается), не опаздывала на репетицию — не за что было наказывать.

— Но правду говорят, что он запрещает вам сниматься в кино?

— Вы знаете, не только от вас это слышала. Объясню, в чем дело: в театре я играю лучшие роли мирового репертуара...

— А стало быть, незачем размениваться по мелочам?

— Не только. Понимаете, я не считаю себя до конца социальной актрисой. Если нет истории абсолютно чувственной и эмоциональной, мне кажется, я не убедительна. В театре я играю Антигону, Настасью Филипповну. Может быть, сыграть Анну Каренину — есть предложение. Не знаю: мне кажется, я никогда не смогла бы сыграть, к примеру, учительницу. Или медсестру, милиционера. Просто бы не знала как.

■ ■ ■

— Табакову 70. В каких случаях проявляется ваша с ним существенная разница в возрасте?

Зудина со своими мужчинами.

"Где Табаков — там жизнь". На фоне группового портрета выпускников.

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

— Вы знаете, если бы он не был Табаковым, я не уверена, что рядом со мной находился бы человек, который на много лет старше меня. Он исключение из правил. Таких мужчин не много.

— Но, как ни крути, вы люди разных поколений. Должны иначе воспринимать многие вещи.

— Объясню, в чем разница. Он мудрее. Я реагирую болезненней на многое, иногда бываю нетерпимой. Хотя тоже с возрастом становлюсь другой. Вот посмотрите, какая смешная вещь. В 20 лет мне было страшно, что придет какая-то актриса, девочка, и вдруг она понравится Олегу Павловичу. С возрастом, казалось бы, этот страх должен только усиливаться. А у меня наоборот: сейчас смотрю на молодых актрис — у меня не то что чувства ревности не возникает, мне их просто жалко. У некоторых из этих девочек происходит какая-то странная переоценка собственной персоны. Иногда так смешно становится. Актриса, когда получает роль, уверена, что она настолько прелестна и настолько хороша, и именно поэтому выбор пал на нее. Она не понимает, по каким критериям ее выбрали. А режиссеру порой нужны ее отрицательные качества: или желание всем нравиться, или стерженность, или вульгарность. Просто я знаю всю эту кухню.

— А что, эти молодые актрисы еще и дают понять всем своим видом: мол, Олег Павлович на меня глаз положил — сейчас я Зудину за пояс-то и заткну?

— Не-е-ет. Ну может быть, иногда... (Смеется.) В чем это выражается? Ну я не знаю, в том, что человек, например, может позвонить ему по телефону. Хотя я считаю, что неприлично звонить худруку, во-первых, если он не просил, а во-вторых, если ты не работаешь с ним долгие годы и если ты не ученица.

— Когда появились слухи о вашей якобы сопернице, молодой актрисе, вам было больно?

— Вы знаете, так нелепо было. А в театре все еще задавали вопрос: "А почему именно ее журналисты выбрали?" Она действительно славная девочка, не из наглых. И та публикация на моей к ней симпатии несколько не сказалась.

— Умные люди, конечно, сразу поняли, что это "утка", однако многие, надо признать, возбудились на этот счет.

— Знаете, я до сих пор думаю: вот мы не стали подавать в суд на эту газету, но в следующий раз терпеть подобное я не буду. Серьезно говорю: судиться начну со всеми и по любому поводу. Ведь даже некоторые мои знакомые растерялись, из-за границы звонили. Немножко так недоуменно, потому что они прекрасно знают нас. Понимаете, Олег Павлович совершенно не тот человек. Скорее я могла бы выкинуть какой-то финт, сказать: уйди и буду жить отдельно. А Табаков по природе своей однолюб...

— Однако ж вы 10 лет встречались с Табаковым, когда он был еще женат.

— Когда он со мной встречался, он больше не встречался ни с кем. А жена... Женщина, я так думаю, должна либо принимать эту ситуацию, либо уходить. Никакой борьбы за мужчину быть не может. Бороться можно за жизнь, за здоровье ребенка, можно бороться с врагами, которые напали на родину. А эти 10 лет... Да какая там борьба — это счастье абсолютное. И потом, было бы мне плохо, не ждала б я эти 10 лет — ушла либо направо, либо налево.

— Интересно, вы помните тот день и час, когда впервые назвали Табакова по имени?

— Ой, несколько лет прошло. У нас был роман уже, так года полтора мы вообще на "вы" были. А по имени я его года через три только назвала.

— Когда все свершилось, имею в виду брак, почувствовали какую-то особую ответственность? Мол, уже не просто Марина Зудина — жена Табакова! Как бы чего лишнего не ляпнуть.

— Что вы, я настолько мало ляпала всегда. Ну если 10 лет у нас был роман, и я никому ничего не рассказыва-

ла, ни с кем не делилась... Нет, со мной можно общаться, можно дружить. Но никогда никто лишнюю информацию от меня не получит. Я умею молчать.

— Это уже какая-то школа КГБ. Или школа Шелленберга?

— Наоборот, Олегу Павловичу это как раз и не свойственно. Если его переполняет что-то, молчать он не может — все равно проговорится.

— Вы — молодая интересная женщина. Мужчины, уверен, на вас обращают внимание. Олег Павлович как реагирует?

— Никак не демонстрирует.

— Но вы же знаете его как свои пять пальцев. Даже если нет реакции, по одному лишь движению бровей можете понять все.

— Да, но он никогда не опустится до того, чтобы как-то негативно реагировать, если я кому-то нравлюсь. Нравлюсь и нравлюсь. Ну и что?

■ ■ ■

— Вы как-то сказали, что после рождения Павлика целый год переживали депрессию. Что имели в виду?

— Ну не год, где-то полгода. Я думаю, это бывает у любой женщины, которая рождает ребенка. Чисто физиологический процесс: когда не можешь контролировать слезы, когда не спишь ночами. Это очень тяжело, физически тяжело. И тогда начинается депрессия. А потом, честно говоря, мне не хватало внимания. Все-таки мужчина не способен понять, что с женщиной произошло: какая это нагрузка, какая усталость...

— Даже Олег Павлович — такой опытный человек?

— А это все равно. Олег Павлович, как, наверное, и любой мужчина, не любит слова. Отношение его ко мне — это поступки. А мне в тот момент не хватало именно слов: да все пройдет, ты отдохнешь, не волнуйся. Я помню, вообще очень смешная ситуация была. После очередного кормления: Пашка — ему месяца три было — плачет, я — сижу на кухне сонная. А Олег Павлович спал отдельно — специально так сделала, чтобы его не тревожить. Короче говоря, в 4 утра пришла к нему, разбудила. Говорю: "Так, я кладу тебе ребенка, больше не могу". Проснулась я от того, что мой ребенок орет. Вбежала в комнату: муж храпел. А Пашка орал оттого, что ползал-ползал, да и свалился с кровати. Я поняла, что все эксперименты эти не для моего супруга.

— А на вторую попытку сейчас бы решились?

— Это уже как Господь Бог распорядится. Первое время после рождения Павлика я настолько уставала, что даже не могла представить, что у меня будет еще один ребенок. А потом... Была одна попытка, но закончилась она неудачно. Поэтому скажу так: можно планировать что угодно, а вот как сложится... Все в руках Божьих.

— Тем более не так давно, в 2003 году, вы с Олегом Павловичем обвенчались. Для чего это нужно было?

— Не знаю. Понимаете, все эти годы я не считала себя готовой к браку — не была уверена, что мы долго проживем вместе. А тут у меня потребность появилась. То есть я сказала себе: нет, это все слишком серьезно. А если это серьезно, то должно быть так. Больше ни с кем не связано. Хотя... (Марина загадочно улыбается.) Говорят: когда венчанный брак, детям лучше...

Дмитрий МЕЛЬМАН.